

УДК 811.111'36 = 411.21 = 512.145

КАТЕГОРИЯ КОЛИЧЕСТВА В АРАБСКОМ, АНГЛИЙСКОМ И ТАТАРСКОМ ЯЗЫКАХ

© 2013 г.

Н.Г. Мингазова

Институт филологии и искусств Казанского федерального университета

nailyahamat@mail.ru

Поступила в редакцию 07.11.2012

Представлен анализ категории количества в исследуемых языках. Противоречия внутри категории числа проявляются в феномене собирательности, сохранении двойственного числа в семитских языках, в мощных синонимических рядах некоторых лексических единиц, отражающих специфику жизни общества определенной эпохи, характер носителей языка, их восприятие мира, культуру и историю.

Ключевые слова: категория числа, категория количества, количественность, грамматическое число, лексическое число, категория собирательности, дискретное и недискретное количество, синоним-доминант.

В условиях перехода на многоуровневую систему подготовки специалистов возрастает потребность в новых подходах в системе образования. С развитием экономических и культурных связей нашей страны с зарубежными странами возрастают требования к преподаванию иностранных языков. Наряду с английским языком, арабский язык завоевывает все более прочные позиции в учебных программах школ и вузов. В стране усилилось внимание к восточным странам, к экономике и культуре арабского мира. Успех работы учителя на пути повышения качества обучения зависит от учета специфики каждого конкретного языка, а также влияния одного языка на другой. Особенно *актуальным* в процессе обучения двум или более иностранным языкам является учет фактов межъязыковых соответствий и расхождений в системах изучаемых и родного языков, обнаружить которые можно лишь на основе сравнения и сопоставления. Этим определяется выбор *объекта* нашего исследования, а именно сопоставительное исследование категории количества в трех разноструктурных языках – арабского, английского и татарского, принадлежащих к различным языковым семьям (арабский – семитская, английский – индоевропейская, татарский – тюркская). *Научная новизна* исследовательской работы заключается в том, что анализ семантики, структуры и функционирования категории числа в сопоставляемых языках проводится не только с чисто лингвистических позиций, но и лингвокультурологических. Данное исследование имеет своей *целью* показать взаимосвязь языка, мышления и культуры каждого народа через алломорфные черты в семантике и

средствах выражения категории числа арабского, английского и татарского языков, а также общие тенденции развития социума и менталитета арабского, английского и татарского народов в целом через выявление изоморфных черт плана содержания, плана выражения и функционирования данной категории в исследуемых языках.

Исследование категории количества в данных языках требует комплексного подхода, который предполагает использование различных видов лингвистического анализа: компонентного, идентифицирующего, логико-лингвистического, историко-этимологического и контрастивного.

Категория количества – одна из наиболее общих абстрактных категорий мышления современного человека, без которых невозможно никакое познание. Она является необходимым элементом познания, пронизывает все стороны человеческой деятельности, как практической и бытовой, так и научно-познавательной. Это универсальная логическая категория, необходимая ступень познания. Данная категория, как и категория качества, есть отражение одного из наиболее общих свойств самого бытия, каковыми наряду с качественной является его количественная определенность. Количественная определенность бытия есть величина наличности чего-либо, которая в результате сравнения может быть выражена приблизительно или практически точно. Количественная определенность в объективной действительности предстает, с одной стороны, как дискретное, прерывное количество, а с другой стороны, – недискретное, непрерывное количество.

Понятийная категория количества – обязательная составляющая любой культуры, кото-

рая, в свою очередь, находит отражение в различных языках мира, причем, в каждом по-своему. Несмотря на то что разграничение на единственное и множественное число встречается во многих языках, важно отметить, что решение вопроса о том, что считать «одним объектом», а что «более чем одним», «группой объектов» или нерасчлененной «массой вещества», определяется в каждом языке по-своему. Например, английское слово *advice* «совет» является абстрактным и употребляется только в форме единственного числа, а в арабском языке данное слово может употребляться в единственном, во множественном и даже двойственном числе, например: *نصيحة* [насийха] «совет» – *نصائح* [насаиху] «советы» – *نصيحتان* [насийхатани] «два совета», а в татарском языке – как в единственном, так и во множественном числе, например: *киңәш* «совет» – *киңәшләр* «советы».

Таким образом, категория количества разнообразными грамматическими и лексическими средствами получает свое выражение во всех современных языках. Основными категориальными ее значениями является единичность и множественность, а в тех языках, где есть двойственное (например, арабский язык) и тройственное число – двоичность и троичность [см. 1].

В каждом языке отражается определенный способ восприятия мира, навязываемый в качестве обязательного всем носителям языка. В способе мыслить воплощается цельная коллективная философия, своя для каждого языка.

Во всех языках формы числа больше связаны с именами существительными из-за семантической природы данного разряда слов, так как категория числа отражает количественные отношения между предметами, явлениями, действиями и т. д. Число – грамматическая категория, выражающая количественные характеристики предметов мысли. Грамматическое число – одно из проявлений более общей языковой категории количества наряду с лексическим проявлением (лексическое число), таким как числительное или как количественные обозначения в других частях речи (например: много, единственный и другие).

Сфера количественности в различных языках многообразна и пестра. Она затрагивает все основные ярусы языковой структуры, а именно словарный состав, словообразование, морфологию и синтаксис. Количественность включает немало переходных и пережиточных явлений, осложняющих и одновременно обогащающих систему языка и заметно повышающих избыточность речевой информации. Например, противоречия внутри категории числа, особенно

наглядно проявляющиеся в феномене собирательности, двойственного числа в славянских языках, сохранении двойственного числа в семитских языках. Рассмотрим эти феномены в исследуемых нами языках.

Так, категория собирательности – понятийная категория обозначающая некоторое множество как целостную, нечленимую совокупность однородных предметов. Например, **араб.** *شعب* [ша'бун] «народ», **англ.** *humanity* «человечество», **тат.** *халык* «народ».

Как видно, за собирательным именем всегда стоит некоторый род дискретных предметов, которые, по крайней мере, потенциально доступны пересчету. Вышеуказанные имена выражают общее и отдельное одновременно. Так, слово «народ» выражает множество, представленное отдельными людьми. Однако в отличие от категории числа, категория собирательности отражает не столько количественную, сколько качественную сторону (однородность) совокупности предметов и строится на оппозиции «один предмет – класс, совокупность однородных предметов». Поэтому собирательность тесно связана с качественной классификацией денотатов, чем предположительно и объясняется, например, обилие суффиксов собирательности в истории тюркских народов. Например, в татарском языке можно выделить следующие суффиксы собирательности:

- *лык/ -лек* (*халык* «народ», *терлек* «скот»),
- *кым/ -кем* (*төркем* «стая»),
- *ыр/ -ер* (*өйер* “косяк”) и т. д.

В арабском же языке собирательные имена восходят к именам абстрактным, а от собирательных исторически образовано ломаное множественное число, что свидетельствует об образовании собирательных имен изменением внутренней флексии. Имя собирательное в арабском языке указывает на группу и может выражаться в форме единственного числа и множественного числа. Собирательность имеет широкий охват слов в арабском языке. Она употребляется в единственном числе, часто образует множественное число и имя единичности, от которого в свою очередь образуется множественное число. Например: *نحل* [нахл] «пчелы» (сбир.) – *نحلة* [нахлат] «пчела» - *نحلات* [нахалāt] «пчелы» [см. 1].

Что касается собирательности в английском языке, то это прежде всего категория семантического порядка, которая находит свое выражение на уровне морфологии. Собирательное имя еще в древнеанглийском языке отражало, во-первых, общую идею множественности, во-вторых, – что является одним из показательных моментов его семантической харак-

теристики – указывало на неопределенность количества конкретных предметов, совокупность которых названа собирательным существительным. Специфика собирательных существительных в английском языке заключается в их способности выявлять синтаксически два значения: объединительной и разделительной собирательности, и из самой природы выражаемого ими понятия вытекает, что это всегда неделимое единство, которое в то же время и множество. Собирательные существительные являются носителями внутреннего множества.

Так, в современном английском языке контекстуальная собирательность восходит к дограмматической категории общего числа в древнеанглийском языке, которая выражалась лексически одним словом. Слова со значением контекстуальной собирательности по инерции продолжают сохранять черты числового синкретизма, функционируя, в зависимости от контекста, либо в собственно собирательном, либо в обобщенно-собирательном значении, и способны передавать формой единственного числа одновременно понятия одного предмета и множества предметов в качестве единого обобщенного понятия. Идея количественности уже заключена в семантике самой лексемы, выражающей категорию общего числа. Кроме того, эта лексема непременно по своей логико-семантической основе является собирательной, так как именно собирательные существительные представляют собой древнейшие типы обозначения количества (архаичное противопоставление единичности и собирательности) и обладают исконной функцией выражения множественности [1].

В английском языке, как и в татарском, собирательные имена подразделяются, во-первых, на имена существительные, употребляемые только в единственном числе и обозначающие определенное количество вещей, объединенных вместе и рассматриваемых как отдельный предмет, например: **англ.** *machinery* «механизм, аппарат», **тат.** *жыһаз* «мебель», *каенлык* «березняк», *жиләклек* «ягодник». Во-вторых, на имена существительные в единственном числе по форме, хотя имеющие множественное значение, например: **англ.** *police* «полиция», *people* «люди», *cattle* «скот», **тат.** *терлек* «скот» и другие, которые обычно называются именами существительными множества. В-третьих, на имена существительные, которые могут употребляться как в единственном числе, так и во множественном числе, например: **англ.** *family* «семья», *crowd* «толпа», *fleet* «флот», *nation* «нация», **тат.** *сыйныф* «класс» и т. д.

В татарском языке также выделяется группа существительных с аффиксом множественного

числа типа *яшьләр* «молодежь», *олылар* «взрослые», *кызыллар* «красные», которая не имеет соответствующих форм единственного числа [2].

Классифицирующий характер собирательности проступает и при ее лексическом выражении, например, сигнификативные отношения между такими словами, как стадо (коров), табун (коней), отара (овец), стая (гусей), косяк (рыбы) и так далее, которые различаются между собой типом группируемых денотатов.

Данный классифицирующий характер категории собирательности имеет место во многих языках, в том числе в арабском, английском и татарском языках, например:

араб. *سِرْب (من طيور)* [сирб. (мин туйур)] «стая (птиц)», *سِرْب (من سمك)* [сирб (мин самак)] «косяк (рыбы)», *قطيع (من حيل)* [катыйг (мин хайл)] «табун (лошадей)», *قطيع (من بقر)* [катыйг (мин бакар)] «стадо (коров)» и т. д.

англ. *flock (of birds)* «стая (птиц)», *herd (of cows)* «стадо (коров)», *herd (of horses)* «табун (коней)», *shoal (of fish)* «косяк (рыбы)» и т. д.

тат. *(сыер) кәтүе* «стадо (коров)», *(ат) кәтүе* «табун (коней)», *(кошлар) төркеме* «стая (птиц)», *(балыклар) өере* «косяк (рыбы)» и т. д.

Вышеприведенные примеры указывают на унифицированный характер данных собирательных имен в генетически и структурно отдаленных языках. Языковое значение собирательности, обусловленное общими свойствами человеческого мышления, присуще всем языкам независимо от их типологических различий.

Что касается двойственного числа, например в арабском языке, то оно является одним из свидетельств того, что сама грамматическая категория числа в своем отвлеченном значении вырабатывалась постепенно, в процессе своеобразного преодоления сопротивления конкретного лексического материала. Двойственное число предполагает наличие в языке особой морфологической формы, отличной от формы множественного числа и употребляющейся при обозначении двух предметов как явлений. Двойственное число было во многих древних языках, но во многих, например, индоевропейских языках произошло его отмирание. Формы двойственного числа или вовсе вышли из употребления, или частично были переосмыслены в качестве каких-либо специальных разновидностей множественного, а у отдельных существительных форма старого двойственного числа вытеснила форму старого множественного числа, став функционально на ее место. Некоторые лингвисты (D. Austrauskaite, A. Steponavicius) полагают, что двойственное число является, скорее, подразделением внутри множественного числа, нежели различием между единственным и мно-

жественным числами. О том, что двойственное число является частью семантики множественности, по их мнению, свидетельствует существование лингвистической синонимии между формами двойственного и множественного числа (но не между двойственным числом и единственным числом) – именно множественное число может использоваться для замены двойственного числа [см. 1].

Известный ученый – арабист и семитолог, профессор Б.М. Гранде на основе сравнения некоторых семитских, а также хамитских языков делает вывод об историческом происхождении двойственного числа. Он пишет: «Двойственное число имеет полное развитие лишь в арабском языке... Форма двойственного числа возникла, видимо, в самих семитских языках в весьма раннюю эпоху и первоначально употреблялась лишь для обозначения парных частей тела. Тенденция же к выработке особых форм для обозначения двойственного числа восходит, вероятно, еще к периоду до выделения семитских языков в качестве самостоятельных...» Далее ученый отмечает, что «первоначально человек обозначал различные направления по соответствующим частям своего тела. Например, **араб.** يَدَان [йадāни] (2 руки) означало «направление руки» ... и так далее». [3, с. 308 – 310].

Анализируя двойственное число в арабском языке, Ш.З. Бабаханов приводит мнение некоторых европейских ученых, которые связывают утрату двойственного числа с прогрессом цивилизации. Так, ученик А. Мейе Ж. Вандриес замечает: «... арабский, бывший до VII в н. э. языком отсталых кочевников, сохранил двойственное число в существительном, местоимении и глаголе; можно даже утверждать, что в истории арабского языка степень высоты культуры определяет степень сохранения двойственного числа». Энциклопедия «Ларус» утверждает, что цивилизованные языки не знают двойственного числа, а явление это – одна из особенностей таких нецивилизованных или неисправленных языков, как арабский. Бабаханов справедливо отвергает такое мнение. Он пишет: «Сохранение категории двойственного числа арабским языком не может связываться с мыслью о какой-либо неполноценности или недоразвитости языка. Существование в арабском языке двойственного числа не мешает развитию более абстрактного множественного числа и связано со сложным комплексом культурно-исторических условий, способствующих сохранению до сегодняшнего дня канонических норм арабского литературного языка, сложившихся в VI–VII веках» [4, с. 19].

Мы считаем, что существование до сих пор двойственного числа в арабском языке связано с тем, что он является единственным из семитских языков, дающих непрерывную цепь развития от древнейших времен до наших дней. Подтверждением этому является Коран, который «за тысячу триста лет своей первой редакции не претерпел практически никаких изменений» [5, с. 10]. Арабский филолог Д.В. Фролов отмечает: «... как целостное произведение словесности, имеющее фиксированный текст и строго определенную структуру, Коран в значительной мере является продуктом текстологической работы первых поколений арабских ученых. Именно здесь лежит один из истоков филологических интересов, которые возникают еще в рамках первоначальной синкретической арабо-мусульманской учености» [6, с. 185]. Наличие же двойственного числа в арабском языке, несомненно, подчеркивает важность пары в процессе развития человечества. Так, аят 36 суры «Йа син» священного Корана гласит:

سُبْحَانَ الَّذِي خَلَقَ الْأَزْوَاجَ كُلَّهَا مِمَّا تُثْبِتُ الْأَرْضُ وَمِنْ أَنْفُسِهِمْ
وَمِمَّا لَا يَعْلَمُونَ (36)

[субхāна аллазий халака альазуādжа куллахā миммā тунбиту альарду уамин анфусиһим уамиммā лā йа'ламууна].

«Хвала тому, кто создал все пары из тех, что выращивает земля, и из них самих, и из того, чего они не знают» [7].

«Хвала Тому, кто в парах создал все,
что жизнь рождает на земле.

Попарно существуют души ваши.

И все незримое, что окружает вас.

И что доселе ваше знание не постигло» [5].

Древнеанглийский язык также имел двойственное число, но оно утратилось. Единственный остаток двойственного числа в современном английском языке это местоимение *both* «оба». Двойственность в английском языке выражается лексически. «Лексическое» значение является основой для введения Уайтхоллом таких понятий, как двойственное число: *a pair of ducks* «пара уток», *both ducks* «обе утки» [1].

В татарском же языке двойственность выражается с помощью употребления числительного *ике* «два», что также является основным способом выражения двойственности в английском языке. Например, **тат.** *ике як* «обе стороны», *ике алма* «пара яблок»; **англ.** *two students* «два студента» и т. д. Что касается числительных **إثنان** [иснāни] «два»; **إثنتان** [иснатāни] «две» в арабском языке, то их употребление с именами является излишним, хотя допустимо, например, **طالبان إثنان** [тāлибāни иснāни] «два студента», **طالباتان اثنتان** [тāлибатāни иснатāни] «две студентки».

Следует подчеркнуть, что каждый язык представляет собой сложную, но системную структуру. Несмотря на огромное многообразие языков, в них отмечаются универсальные черты, общие для всех языков, наряду с уникальными, свойственными только конкретному языку. Нельзя не согласиться с мнением лингвиста Б. Ли. Уорфа, который в свое время заявил, что говорящие на разных языках имеют разное мировидение, что отражается в их языках. По его мнению, в связи с тем что английский язык рассматривает, например, время как делимое на части, которое можно сосчитать – *three days* «три дня», *four minutes* «четыре минуты», *half an hour* «полчаса», – носители английского языка склонны к рассмотрению времени как группы объектов – секунд, минут, часов – вместо плавного неделимого течения. Это, считает Уорф, заставляет людей думать, что время – это то, что можно потратить, сэкономить или потратить [8].

Арабы рассматривают время так же, как и носители английского языка, а именно как группу объектов, например, *ثلاث ساعات* [салāсу сā'āt] «3 часа». Это связано, по-видимому, с графическим стилем мышления носителей арабского языка, на который указывает и Ш. Шукуров. Он пишет: «Преклонение перед Словом, книгой и книгами, являясь основополагающей чертой мусульманского сознания, своеобразным знаком их отношения к бытию и инобытию, привело к появлению не менее своеобразного стиля мышления, проявляющегося в искусстве книги, ремесле, декоративном искусстве, архитектуре, в быту, в «науке букв» хуруфитов, то есть в том, что составляло графический стиль мышления» [1].

Этот стиль пронизывает всю грамматику арабского языка и, несомненно, отражен в категории числа. Поскольку арабский язык и арабская письменность являются неотъемлемыми компонентами мусульманской религии, то влияние религии на язык очевидно.

Особое отношение арабов к категории числа проявляется и в специфических нестандартных формах исчисления. Для числительных характерны особые формы согласования с именами исчисляемыми. Например: *واحد* [уāхидун] «один» ставится позади имени, согласуясь с ним в роде, падеже и состоянии: *رجل واحد* [раджулун уāхидун] «один мужчина».

Числительные от трех до десяти обычно имеют форму сопряженного состояния и находятся перед именем исчисляемым, которое ставится в родительном падеже множественного числа, например: *خمسة ايام* [хамсату аййāмин] «пять дней», *ثلاث سنوات* [салāсу санауāтин] «три года».

После числительных от одиннадцати до девяноста девяти исчисляемое имя ставится в винительном падеже единственного числа, например: *خمسة عشر رجلا* [хамсату 'ашара раджулан] «пятнадцать человек», *عشرون بيتا* [ишрууна байтан] «двадцать домов».

После числительных *مئة* [миатун] «сто» и *ألف* [алфун] «тысяча» имя употребляется в родительном падеже единственного числа. Например: *مئة دينار* [миату дийнāрин] «100 динаров», *ثلاثة آلاف درهم* [салāсату алāфин дирхамин] «3000 дирхемов» [3].

В английском, как и в других западноевропейских языках, количественные числительные выражают категорию числа в абстрактном виде, которая в западноевропейских языках освобождена от предметности. Имена числительные в английском языке, в отличие от арабского языка, не имеют ни форм рода, ни форм падежа. При согласовании с именем исчисляемым числительное в английском языке ставят перед ним, например: *five ships* «пять судов».

Что касается имен числительных в татарском языке, то имена существительные в сочетании с числительными употребляются лишь в форме единственного числа, например: *биш атна* «пять недель», *жиде кеше* «семь человек».

Употребление имен существительных при именах числительных в форме множественного числа встречается лишь в диалогах, например: *Биш малайлар килде*. «Пришли пять мальчиков» [2, с. 28].

Особенно непривычна концепция, согласно которой число является качеством, а не количеством и может служить для установления качеств и значений и их иерархической лестницы. Так, выдающийся русско-американский социолог П.А. Сорокин приводит концепцию числа М. Гране, который описывает военный совет в Китае, где обсуждается вопрос, следует ли наступать на противника. Двенадцать генералов собираются на совет, и мнения разделяются. Три генерала – против, восемь – рвутся в бой. А три для китайца – это единодушие, и нечто иное, чем просто большинство. В связи с этим командующий не начинает наступление [9]. Этот пример вновь подтверждает, что категорией числа оперируют концепции, глубоко отличающиеся друг от друга, и в различных культурах они обладают не одним и тем же смыслом.

Идея множественности реализуется также в мощных синонимических рядах некоторых лексических единиц, отражающих специфику психической и социальной жизни общества определенной эпохи.

Как известно, синонимия как лексико-семантическое явление арабского литературно-

го языка с древнейших времен была объектом интереса арабского языкознания. Большинство арабских авторов, древних и современных (Ибн Джинни, Ибн аль-Асир, Фахруддин и др.), положительно решавших вопрос о существовании синонимии и синонимов, определяли синонимы как разные по звучанию, но полностью совпадающие между собой по значению слова [10].

Старые лексикологи и лексикографы (Ибн Халавейх, Аль-Асман, Хамза аль-Исфахани и др.), тщательно регистрировавшие арабскую лексику, составляли длиннейшие списки слов-синонимов с тождественными, как они утверждали, значениями и с гордостью приводили впечатляющие цифры из области арабской синонимии. Так, во многих сочинениях упоминается, что для слова *أسد* [аса́д] «лев» существует 350–500 синонимов, *ماء* [ма] «вода» – 170, *جَمَل* [джамал] «верблюд» – 500, *عَسَل* [гасал] «мед» – 80 и т. д. В большей своей части перечисляемые в таких списках синонимы включают названия, обозначающие качества или признаки того или иного предмета или явления, названия вещей по происхождению, их переносные и метафорические наименования и т.п. Обозначение признака предмета вместо прямого его названия было характерным приемом в арабской поэзии как ведущем жанре литературного средневекового творчества. Постепенно название признака предмета могло стать названием самого предмета и в конце концов утратить свою образную структуру [10].

Рассмотрим явление синонимии в английском языке. Например, слово *slay* «убивать» является синонимом слова *kill* с тем же значением, но оно употребляется только в книжном стиле, это более экспрессивная форма. Слова *smash* «разбивать вдребезги» и *crush* «давить» семантически близки и, употребляясь вместе, они усиливают описание, например, жестокости войны. Каждое слово того или иного языка имеет собственную историю, свою особенную мотивацию и свой определенный контекст. К тому же каждое слово имеет скрытые возможности сочетаться с другими словами. Если два слова полностью совпадают в своем значении, то одно из них обязательно меняет свое значение, либо выпадает из языка. В результате развития языка в синонимическом ряду появляется синоним-доминант, слово с общим значением для всех слов синонимического ряда. Например, слово *hope* «надежда», *expectation* «ожидание» имеют общее значение «иметь что-либо в сознании, что может случиться». *Expectation* может быть ожиданием хорошего либо плохого. *Anticipation*, как правило, – приятное ожидание. *Hope* – не только вера в то, что произойдет, но и желание этого. Стилистические различия также

значительны. *Anticipation* и *expectation* являются словами книжного стиля, *hope* – стилистически нейтрально. Более того, они отличаются в их идиоматическом использовании. Только использование слова *hope* возможно в следующих устойчивых словосочетаниях: *to hope against hope* – «надеяться вопреки всему», *to lose hope* «терять надежду», *to pin one's hopes on* «возлагать надежду на кого-либо». Следовательно, слово *hope* является синонимом-доминантой в данном синонимическом ряду [11].

Английский язык богат заимствованными синонимами, многие из которых вытесняли исконные синонимы. Большинство заимствованных синонимов употребляются вместе с исконными. Многие исконные синонимы сузили сферу своего употребления, так, слово *heaven* «небеса» стало употребляться только в религиозной сфере и поэзии, в то время как заимствованное скандинавское слово *sky* «небо» стало широко употребляемым. Французское слово *action* «действие» популярнее, чем английское слово *deed* с тем же значением. Многие синонимы возникли в результате изменения значений слов. Так возник синонимический ряд: *to throw* «бросать», *to cast* «бросать, швырять», *to hurl* «бросать, швырять». Все эти слова исконно английского происхождения, но они утратили эмоциональную окраску и теперь обозначают различные способы броска. *To throw* является синонимом-доминантом [11].

Чтобы дифференцировать какие-то значения, необходимо выявить в них общий компонент, т. е. дифференциация предполагает одновременно сходство и различие. Таким образом, основным условием существования синонимических отношений между словами является наличие у них понятийного тождества, на основании которого и возможна дифференциация слов-синонимов. Именно знание тонких дифференциальных «оттенков» значений синонимов свидетельствует о достаточно высоком уровне владения иностранным или родным языками, отличает человека с развитым языковым чувством.

В татарском же языке в синонимическом ряду *байлык*, *муллык*, *житешлек*, *барлык* и т. д. синонимом-доминантой является слово *байлык* «богатство». В синонимическом ряду с общей доминантой *матур* «красивый» выделяются соотносительные пары *гузал*, *сөйкемле*, которые по стилистическому употреблению и смыслу довольно близки друг другу. Синонимом слова *авыру* «болезнь» является *чир*, которое употребляется обычно с некоторым оттенком пренебрежительности в обиходно-разговорной речи.

Одной из особенностей татарского языка, как отмечает профессор Р.А. Юсупов, является

наличие в нем значительного количества парных существительных, образованных из синонимических пар, второй компонент которых представляет собой устаревшее или диалектное слово, например: *ут-куз* «пожар» (*куз* в древнетатарском языке означало *горячий уголь*), *савыт-саба* «посуда» (*саба* в казахском языке и поныне означает специальную посуду для кумыса), *кыз-кыркын* «девушки» (*кыркын* в древности означало *рабыня, невольница*), *бала-чага* «детвора» (*чага* в современном туркменском языке означает *ребенок*) и т.д. В татарском языке имеются также парные слова арабо-персидского происхождения, компоненты которых находятся в синонимической связи, например: *кадер-хөрмәт* «почет-уважение», *хәбәр-хәтәр* «вести-новости», *хәл-әхвал* «состояние, настроение», *кәеф-сафа* «веселье, утеха» и т.д. [12, с.133–141].

Таким образом, проделанный нами анализ категории количества в арабском, английском и татарском языках позволяет заключить, что понятийная категория количества, которая по-разному концептуализируется в культурах носителей различных языков, составляет основу грамматической категории числа, что указывает на особенность языковой картины мира отдельных языков. Данная категория отражает одно из наиболее общих свойств количественной определенности бытия. Основные характеристики категории количественности – дискретность, непрерывность, число, величина, единичность, множественность. Фундаментальный человеческий концепт количественности имеет место в сознании носителей разных языков, но, будучи воплощенным в разных языках, он уникален и специфичен.

Язык антропоцентричен по своей природе, поэтому, отражая мир, он всегда «смотрит» на него с точки зрения человека, что и составляет ядро любого явления в языке. Мыслительная деятельность человека, ее наиболее общие проявления

влияют на структуру языков, являясь причиной возникновения сходств, но, несмотря на это, абсолютных соответствий в разноструктурных языках не существует. Ибо, будучи продуктом длительного исторического развития, структура любого языка глубоко индивидуальна и идиоматична. Однако установление определенных соответствий структурных категорий одного языка структурным категориям другого языка и выявление их соотношений вполне возможны [1, с. 133].

Список литературы

1. Мингазова Н.Г. Категория числа имен существительных в английском и арабском языках: Монография. Казань: ТГГПУ, 2005. 164 с.
2. Закиев М.З. Татарская грамматика. Т. II. Морфология. Казань: Татарское кн. изд-во, 1993. 397 с.
3. Гранде Б.М. Курс арабской грамматики в сравнительно-историческом освещении. 2-е изд. М.: РАН, 1998. 592с.
4. Бабаханов Ш.З. Категория числа в арабском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1973. 30 с.
5. Коран / Пер. смыслов и комментарии В. Пороховой. Дамаск – Москва: Центр “Аль-Фуркан”, 1995. 815с.
6. Фролов Д.В. Арабская филология: грамматика, стихосложение, корановедение: Статьи разных лет. М.: Языки славянской культуры, 2006. 440 с.
7. Коран / Пер. И.Ю. Крачковского. Минск, 1990. 443 с.
8. Whorf B. Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf / Ed. and with an introd. by I.V.Carroll. New York : Wiley and sons, 1956. 278 p.
9. Сорокин П.А. Социальная и культурная динамика. М.: Астрель, 2006. 1176 с.
10. Белкин В.М. Арабская лексикология. М.: Изд-во Московского ун-та, 1975. 200 с.
11. Антрушина Г.Б., Афанасьева О.В. Лексикология английского языка. М.: Дрофа, 2001. 288 с.
12. Юсупов Р.А. Лексико-фразеологические средства русского и татарского языков. Казань: Татарское кн. изд-во, 1980. 254 с.

THE CATEGORY OF QUANTITY IN ARABIC, ENGLISH AND TATAR

N.G. Mingazova

This paper presents an analysis of the category of quantity in Arabic, English and Tatar, which includes quite a few vestigial phenomena. The contradictions within the category of number are manifested in the phenomenon of collectivity, in the dual number preserved in the Semitic languages, in the extensive synonymic series ranks of some lexical units, reflecting the specificity of a society's life during a certain epoch. This reflects the nature of the speakers, their perception of the world, culture and history.

Keywords: category of number, category of quantity, plurality, grammatical number, lexical number, collective noun, discrete and nondiscrete quantity, synonymic dominant.